

Август — самая знойная пора. Светлеет рано: едва минует час Тигра (с 3 до 5 утра), солнце еще не успело взойти, но небо уже залито светом, и на дворе стоит полноценный день.

Этим утром Е Цзюньшу поднялся еще до рассвета. Он бесшумно оделся, собрался и, прежде чем выйти, обернулся взглядом на двойняшек и Сяо Шаня. Пятый и Шестой (У-ва и Лю-ва) сопели в две дырочки, на их щеках расплылся здоровый румянец. Видимо, от жары они раскидали тонкие одеяльца, выставив напоказ свои круглые животики. Цзюньшу наклонился, заботливо прикрыл их и на цыпочках вышел из комнаты.

Пока он умывался, из своей комнаты, протирая глаза, вышел Лу-гэр. Заметив брата, он подошел и тихо прошептал:

— Гэгэ, доброе утро.

— Доброе, — Цзюньшу убрал принадлежности для умывания на место. — Ты чего так рано вскочил? Поспал бы еще.

— Хочу испечь тебе лепешек в дорогу, — кротко ответил мальчик.

— Не нужно, я сам справлюсь, — мягко возразил Цзюньшу. — Ступай отдыхать.

Но Лу-гэр упрямо мотнул головой: — Старший брат, не спорь! Всё равно уже не усну. Иди лучше проверь вещи в корзине, — с этими словами он сам принялся за умывание.

Цзюньшу лишь вздохнул. Что ему проверять? Всё нужное он еще с вечера уложил в заплечную корзину; осталось только взять деньги и закинуть саму корзину на плечи.

Видя, что переспорить Лу-гэра не выйдет, Цзюньшу направился на кухню. Маленький Лу-гэр рос очень ответственным и давно мечтал полностью забрать на себя кухонные хлопоты. Раньше Цзюньшу это пресекал или давал лишь пустяковые поручения, но месяца два назад Лу-гэр устроил настоящую сцену со слезами, требуя разрешить ему готовить.

С того самого памятного дня три года назад, когда Лу-гэр рыдал громче всех, он почти не плакал. А тут стоял, обиженно шмыгая носом, и слезы катились градом — сердце Цзюньшу не выдержало. Юноша едва не сдался сразу, но остатки разума помогли удержать оборону: в итоге они сошлись на том, что Лу-гэр берет в руки поварешку, но резка овощей и прочая опасная или тяжелая работа остается за старшим братом. И делать это можно только под присмотром.

За эти два месяца Цзюньшу убедился, что Лу-гэр парень основательный, делает всё чинно и складно, так что он немного успокоился и доверил ему готовку. Тяжелую работу он по-прежнему делал сам. Хотя, признаться честно... у Лу-гэра получалось куда вкуснее. Цзюньшу пришлось признать горький факт: его многолетний кулинарный опыт в подметки не годился таланту новичка. От этого осознания на душе у него было как-то тоскливо.

Лу-гэр и не подозревал о терзаниях брата. В его понимании старший брат был мужчиной (ханьцзы), будущим ученым, который должен сдавать государственные экзамены. Как такой человек может целыми днями пропадать на кухне, занимаясь «гэрскими» делами? Где это

видано, чтобы ханьцзы хозяйничал у плиты? Его брат не хуже других, и нельзя допускать, чтобы он так себя принижал.

Мальчик старательно умылся, зашел в кухню, где Цзюньшу уже месил тесто. Братья работали слаженно, в полном понимании, и вскоре стопка горячих ароматных лепешек была готова.

Цзюньшу завернул пять штук в дорогу, уложил в корзину и наказал Лу-гэру:

— Ну, я пошел. Веди себя хорошо, не балуй. Приглядывай за младшими — не пускай их к реке и не давай забираться высоко.

— Всё понял. Гэгэ, будь осторожен в пути, — ответил Лу-гэр, провожая его до ворот.

Выйдя за порог, Цзюньшу ласково потрепал брата по голове:

— Умница, иди в дом.

Лу-гэр замер на пороге. Цзюньшу пришлось ускорить шаг и не оборачиваться.

Каждые два дня дядя Ню ездил на воловьей повозке из деревни в уездный город, подрабатывая извозом. Сегодня был как раз такой день. Чтобы избежать полуденного зноя, выезжали обычно на рассвете, пока солнце не начало припекать, а возвращались в сумерках.

Когда Е Цзюньшу добрался до места сбора у въезда в деревню, там уже стояло несколько человек, лениво переговариваясь у нехитрой деревянной повозки. Здоровый черный вол смиренно стоял рядом, лениво помахивая длинным хвостом. Цзюньшу поспешил к ним, извиняющимся тоном произнося: — Простите, я припоздился. Заставил вас ждать.

— Да брось! Еще рано, ты не опоздал, — отозвался бойкий гэр средних лет.

— И то верно, Чжоу-цзы, ты не последний, еще кое-кто не подошел! — подхватил другой. Юноша немного успокоился: он-то думал, что заставил старших ждать. Обошлось.

Дядя Ню в соломенной шляпе стоял у вола, ласково приглаживая его шкуру. Цзюньшу подошел поздороваться, а затем спросил у всех:

— Вы уже завтракали? У меня есть свежие лепешки, не хотите ли попробовать?

— Нет-нет, мы уже поели, — замахали руками попутчики. — Кушай сам, Чжоу-цзы, тебе силы в дороге понадобятся.

Обойдя всех и получив отказ, юноша улыбнулся:

— Ну, тогда я не буду скромничать.

С утра он всегда был голоден, тем более в его возрасте — когда растешь, аппетит зверский. Он

достал лепешку и принялся неспешно есть.

Скучающие соседи, глядя, как он ест, не удержались от смешков:

— Эх, сразу видно — ученый человек! Ест так аккуратно, прямо как гэр, не то что наши сорванцы дома — набрасываются на еду, будто век не ели.

— Ха! Да что ты понимаешь, это называется «деликатность»! Книжники все так едят. Ты думала, все будут как ты — чавкать на всю округу?

Молодой гэр, стоявший чуть в стороне, прыснул в кулак. Став объектом всеобщего внимания просто из-за завтрака, Цзюньшу почувствовал, как щеки обдало жаром. Ему стало неловко, но не выбрасывать же половину лепешки — пришлось доедать под любопытными взглядами.

К счастью, двое последних опоздавших примчались вовремя, и компания была в сборе. Е Цзюньшу спрятал остатки лепешки обратно в сумку. Дождавшись, пока все устроятся, он забрался на повозку, и они медленно, с покачиваниями, покатали в сторону уездного города.

Уезд Фэнчэн был самым обычным захолустьем под началом округа Юнчжоу. Никаких выдающихся достижений у местных чиновников, ни одного великого мужа, вышедшего из этих мест, да и важным транспортным узлом город не являлся. Спустя три года Е Цзюньшу снова вступил в этот город и обнаружил, что здесь почти ничего не изменилось.

Городские стены, сложенные из серой глины вперемешку с щебнем, едва достигали высоты двух человеческих ростов. У ветхих ворот не было даже стражи. Фэнчэн не считался стратегически важным объектом, так что досмотров тут не проводили. Только на рассвете и в сумерках стражники из управы приходили, чтобы открыть или запереть ворота.

Воловья повозка въехала в город и привычно повернула налево по ровной дороге, остановившись в тени раскидистой ивы. Пассажиры один за другим спрыгнули на землю.

— Собираемся здесь в час Петуха (с 17:00 до 19:00). Кто опоздает — ждать не буду! — предупредил дядя Нью.

— Понятное дело, — беспечно отозвались попутчики.

Каждый отдал дяде Нью по одной медной монете, и компания разошлась по своим делам.

Е Цзюньшу тоже протянул деньги: — Спасибо, дядя Нью.

Тот принял монеты, сверкнув желтыми зубами: — Что, Чжоу-цзы, непривычно небось?

Юноша горько усмехнулся: — Да уж, есть немного.

Он много лет не ездил на волах. За час с лишним пути его так растрясло, что он перестал чувствовать собственную пятую точку.

— Ничего, привыкнешь. Пару раз съездишь — и как родной будешь сидеть.

Е Цзюньшу с улыбкой кивнул, изо всех сил подавляя желание потереть ушибленное место.

— Тогда я пойду.

— Ступай.

Попрощавшись с возницей, он немного походил по округе, чтобы кровь снова начала циркулировать в ногах. Живот предательски заурчал. Утром он съел лишь половинку лепешки, а по дороге доставать еду было неловко. Найдя тенистое местечко, Цзюньшу выложил все свои запасы и не успокоился, пока не доел последнюю крошку. Только тогда жизнь снова заиграла красками.

Теперь у него появился настрой осмотреться. Прохожих на улицах было немного — сказывалось то, что сегодня не рыночный день, да и жара стояла невыносимая. Люди без особой нужды не решались выходить под палящее солнце. Е Цзюньшу старался держаться тени, но всё равно вмиг промок от пота.

Народу мало — и торговля в лавках идет вяло. Он прошел по рядам, но ни в одной из лавок не увидел объявлений о найме. Заглядывая в открытые двери, он видел лишь заспанных и унылых приказчиков.

«Неужели придется открывать свое дело?» — задумался он. Но в такую жару, когда людей на улицах раз-два и обчелся, никакой бизнес не процветет. Разве что предложить что-то совершенно невероятное.

«Путь к сердцу народа лежит через желудок, может, заняться едой?» — размышлял он.

Но будем честны: даже обычные местные гэри готовят в разы лучше него, выдумывая сотни изысканных блюд. Современная кухня вряд ли их удивит. Единственное, на чем он мог бы сыграть — это новизна...

Е Цзюньшу втайне корил себя за то, что в прошлой жизни не увлекался кулинарией и не заучил ни одного сложного рецепта.

Этот путь казался тупиковым, работа не искалась, и юноша всё никак не мог решить, за что схватиться. Он вытер пот со лба и прислонился к стене под козырьком дома, чувствуя, как в горле пересохло, а жажда начинает обжигать огнем. Оглядевшись в поисках места, где можно было бы испить воды и передохнуть, он заметил необычную лавку по левую руку.

На фоне однообразных фасадов это здание выделялось изяществом и каким-то особым, «книжным» духом. Это была единственная в уезде книжная лавка. Цзюньшу вспомнил её: когда он еще учился, то частенько заглядывал сюда за кистями и бумагой. Управляющий там был тот еще ворчун — вечно строил недовольные мины, когда студенты приходили просто

полистать книги, не покупая, но силой никогда не выставлял. Все грамотеи уезда стекались сюда, ведь выбора не было — только здесь можно было найти приличный ассортимент. Бедные книжники привыкали к презрительным взглядам хозяина, закаляли характер и годами не меняли привычек...

«Интересно, не сменился ли там хозяин?» Ощувив прилив ностальгии, Е Цзюньшу решил зайти. Но в этот момент двери распахнулись, и на улицу буквально вытолкнули молодого человека в белых одеждах ученого.

— Пошел вон! Нечего мне тут сор разводить! Не возьму я твою макулатуру в приличную лавку!
— вслед за юношей полетела книга.

Тот бережно поднял свой труд, прижал к груди и в ярости выкрикнул:

— Как это — макулатура? Можешь оскорблять меня, но не смей порочить мою книгу!

— Эту-то писанину? — хозяин презрительно фыркнул. — История — чушь собачья, сюжет — скука смертная! Если я выставлю это на полку, у моей лавки упадет престиж!

— Ты... ты... ты! — книжник покраснел так, что, казалось, у него сейчас искры из глаз полетят.
— Да ты просто ничего не смыслишь в искусстве! Глаз у тебя не наметан! Вот увидишь! Настанет день, когда я стану знаменитым, и ты... ты мне в подметки не будешь годиться! Тогда ты будешь молить меня войти, а я и порога не переступлю!

— Ого! Ну, буду ждать этого дня. Главное — успеть бы до того, как я в могилу сойду! — управляющий саркастично хмыкнул, отряхнул рукава и, заложив руки за спину, скрылся в лавке. Ученый задыхался от гнева. «Ах ты старый хрыч! Ну погоди! Я обязательно прославлюсь!» Он стоял, упершись руками в бока, и свирепо сверлил взглядом закрытую дверь. В его воображении уже рисовалась картина: через пару лет он, в ореоле славы, снисходительно взирает на рыдающего от раскаяния лавочника.

Вдруг кто-то легонько похлопал его по плечу. Прекрасная сцена триумфа в голове прервалась, и книжник недовольно обернулся: — Кого там еще принесло?

Его взгляд, привыкший к уровню глаз взрослого человека, наткнулся на пустоту. Опустив глаза, он увидел подростка, который был на целую голову ниже его. Мальчик смотрел на него с сияющей улыбкой. Книжник прищурился, вглядываясь. Лицо казалось смутно знакомым.

— Цзы... Цзычжоу? — неуверенно спросил он.

Е Цзюньшу хитро прищурился и расплылся в еще более широкой улыбке:

— Давно не виделись!

— Цзычжоу! Ха-ха! Вот так встреча! Живой, чертяка! — ученый радостно рассмеялся, обхватил

его за плечи и принялся дружески трясти.

— Я это, я! — смеялся в ответ Е Цзюньшу.

— Ха! Я так счастлив! Цзычжоу, братец по тебе просто до смерти соскучился! — от избытка чувств лицо книжника даже пошло пунцовыми пятнами.

Е Цзюньшу лишь сдержанно улынулся в ответ, позволяя другу выплеснуть накопившийся восторг.

Когда тот наконец немного поостыл, он по-свойски закинул руку на плечо Цзюньшу и увлек его за собой:

— Пойдем, найдем местечко, где можно спокойно поболтать. Здесь слишком жарко! Брат угощает, охладимся как следует.

— Что ж, идем...

<http://bllate.org/book/15226/1354088>